

Л. В. Дмитриева

МОДЕЛИ ГОРОДА В КУЛЬТУРЕ

Интенсивный рост городов, огромные масштабы урбанизации и распространение городского образа жизни обусловили всплеск интереса к городской проблематике и теоретической разработке проблемы города в культуре. Город как исключительно сложный, многогранный феномен допускает различные подходы к своему рассмотрению. В разных странах, в различные эпохи представление о том, что считать городом, менялись. Каждой форме цивилизации соответствует свое понимание города, как зависит оно и от методологии различных наук, объектом изучения которых выступает город. В результате мы сталкиваемся с широчайшей гаммой ценностных отношений к городу. Наша задача – показать некоторые наиболее, на наш взгляд, интересные из формопроявлений города в культуре, представив их через модели, в основе которых лежат различные нормы и идеалы.

Обладая собственной судьбой, характером и неповторимым обликом, город изначально живет по каким-то надвременным законам, имеющим общечеловеческое значение и смысл и соотносимым с представлениями о космосе и мироздании. Представление о городе как *магической модели Вселенной* принадлежит городской цивилизации древности. Миф объяснял собой происхождение города, а форма всякого постоянного поселения служила магической моделью Вселенной, божественного порядка. «По-видимому, первые города сложились как религиозные центры – места, где священный ритуал и объяснял случайности мира природных сил, и подчинял их человеческим нуждам», – отмечал К. Линч¹. Эта форма служила средством установления связи между человеком и небесными силами, средством утверждения на земле гармонического порядка, присущего космосу. Тем самым человеческой жизни отводилось устойчивое и безопасное место во Вселенной. Авторитет богов поддержан. Силы зла, хаоса вытеснены за городскую черту, структура власти (царей, жречества, аристократии) закреплена и упрочена. Подчеркивая огромное влияние идеи магического соответствия на становление и развитие городской жизни, К. Линч тем не менее относит ее к разряду суеверий.

Иной позиции придерживается Н. М. Никулина: «Разговор об архетипе и божественной природе, кажущийся порой умозрительным, оторванным от исторической реальности, на самом деле имеет вполне объективное обоснование, ибо город, действительно, обладал космическими связями, и это теперь научно подтверждается»². Город, как всякое поселение и всякое святилище, не мог возникнуть на любом свободном месте. Такой произвольный выбор был бы противоестественен для людей, чувствовавших свою неразрывную связь с силами природы. Религия была стержнем всех древних цивилизаций, магические представления и обряды, сложившиеся на их основе, имели исключительное значение и смысл в жизни этих обществ. Для поселения выбирали совершенно определенные участки земли, не просто отвечав-

¹ Линч К. Образ города. М., 1982. С. 74.

² Никулина Н. М. Город на стыке Востока и Запада во II – I тысячелетии до нашей эры // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 76.

шие основным человеческим потребностям, но и обнаруживавшие наиболее плодотворные связи с силами природы. Отсюда максимальная функциональность этих участков и непрменная сакральная их значимость. «Как выясняется теперь, – поясняет Никулина, – это были зоны положительной биологической активности, некие эпицентры позитивного природного воздействия – места особой концентрации созидательной, а не разрушительной энергии. Не случайно, что находились эти участки чаще всего на возвышенности и вблизи крупного источника воды, открытого или скрытого, подземного»³.

Говоря о божественной природе города в мифопоэтическом сознании древних, нельзя не остановиться на работе М. Элиаде «Космос и история». Классифицируя архетипы в структуре архаической онтологии культур, Элиаде выделяет города, храмы и дома в качестве «элементов, чья реальность является составной частью символики над-земного центра, который уподобляет их себе и преобразует в центры мира»⁴. Город у Элиаде выступает как носитель архетипического начала. Так, архетипы всех вавилонских городов находятся в созвездиях: «Сиппар имеет свой архетип в созвездии Рака, Ниневия – в созвездии Большой Медведицы, Ассур – в созвездии Арктур и т. д. Сеннахериб приказал построить Ниневию по плану, в глубокой древности определенному расположением звезд на небе»⁵. Образец не только предшествует земной архитектуре, но и находится в идеальной (небесной) «области» вечности. Об этом говорит Соломон: «Ты повелел мне построить храм во святейшее Твое Имя и алтарь в городе, где Ты обитаешь, по образу святейшей скинии, который Ты приготовил от начала» (Кн. Премудростей Соломона. 9.8.). То же самое мы встречаем и в Индии: «... все царские города Индии, даже современные, построены по мифическому образцу небесного города, в котором в Золотом веке (во время оно) обитал владыка Вселенной. И точно также, как он, царь пытается возродить Золотой век, создать совершенное царство. Так, например, дворец-крепость Сихолири на Цейлоне построен по образцу небесного города Алакаманда и труднодоступен для человеческих существ»⁶. Идеальный город Платона тоже имеет небесный архетип. Платоновские формы не астральные, но их мифическая область все-таки расположена в надземных сферах.

Таким образом, согласно Элиаде, сужающий нас мир, в котором ощущается присутствие и труд человека – горы, на которые он взбирается, области, заселенные и возделанные им, судоходные реки, города, святилища – имеет внеземные архетипы, понимаемые либо как «план», как «форма», либо как обыкновенный «двойник», но существующий на более высоком, космическом уровне. Мифической модели другого типа соответствуют дикие, невозделанные области, уподобляемые хаосу, «они относятся к еще недифференцированному, бесформенному бытию, предшествующему сотворению». Именно поэтому, вступая во владение такой территорией, перед тем, как начать ее использовать, люди совершают обряды, символически повторяющие акт творения: невозделанную область следует прежде «космизировать», а потом уже заселить. Цивилизованный (окультуренный) человеческим мир обладает действительной ценностью лишь благодаря внезапному прототипу, который послужил ему моделью. Человек строит по архетипу. Небесные модели имеют не только город или храм, но они есть у любой местности с орошающими

³ Там же.

⁴ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 33.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Элиаде М. Космос и история. С. 36.

ее реками, полями, дающими пропитание, и всеми местами, где живет человек. «Всякая территория, занятая с целью проживания на ней или использования ее в качестве “жизненного пространства”, предварительно превращается из “хаоса” в “космос”, посредством ритуала ей придается некая “форма”, благодаря которой она становится реальной», – заключает Элиаде⁷.

Интерпретация города как космической модели мироустройства приложима и к градостроительной форме. Об этом пишет, в частности, А. Гутнов: «Две формы владели сознанием зодчего: круг, идеально воспроизводивший представление о плоском диске Земли, со всех сторон окруженной Океаном (города Хеттской империи); квадрат, стороны которого соответствуют сторонам света, а их число – основным стихиям – небо, земля, вода, огонь»⁸.

Наиболее разросшиеся ветви космической теории города принадлежат китайской и индийской культурам. Магическая формула ярко выражена в строении Пекина. Китайская модель оказала наибольшее влияние на историю градостроительства – она регулировала закладку и построение едва ли не всех крупных городов в Китае, Корее, Японии. Эта модель предписывает ориентации по сторонам света определенных значений и соответствующих им цветов. Так, север – это мрак и неблагоприятность небес, поэтому на севере необходимо соорудить оборонительный щит. Иерархии властей соответствует фиксированная окраска зданий, предписанные строительные материалы. Пространство симметрично расчленилось на левую и правую стороны, чему опять-таки строго соответствовало распределение функций управления. Реализации этих пространственных построений сопутствовали сложные ритуалы закладки города и его повседневного функционирования. Примеры сложно разработанных церемониальных центров мы встретим в Северной и Южной Америке, Азии, Африке. Однако идея космической модели города была широко распространена и в Европе. Так, в средние века композиция города должна была в максимальной мере соответствовать образу «града небесного», изображенного в книгах «отцов церкви». Особое место придавалось числам 3 (Святая Троица), 4 (четверо великих пророков, четверо евангелистов), 7 – бывшему их суммой и числом дней Творения по библейскому мифу, 12 – произведению 3 и 4 и количеству апостолов. Эти числа вновь и вновь отзывались количеством ворот, башен, улиц, пропорциями главной площади.

Совершенство концентрической, радиальной схемы идеальных городов Ренессанса понималось как символизация математически упорядоченной вселенной.

Распространенная в период барокко модель города как взаимосвязанная система расходящихся и сходящихся осей была выражением порядка, силы, власти.

Все подобные теории отмечены использованием универсальных формообразующих идей. Среди них господство дольного над горним, крупного над малым; священность центральной точки; значения, предписываемые сторонам света (север – холоден, юг – горяч, восток – рождение и начало, запад – угасание и смерть); священная природа гор, пещер, вод и др. Символические формы обладают очевидной привлекательностью. Достоинство космической модели нам видится в трактовке образа города как микрокосма, стабильного, иерархически организованного, в котором каждый элемент магически встроено в идеально организованное целое.

Другая, не менее интересная концепция, представляет собой попытку увидеть в городе организм. *Органическая модель города* возникает в XVIII и XIX веках в

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Гутнов А. Эволюция градостроительства. М., 1985. С. 239.

связи с развитием биологии. К характерным признакам города-организма относят следующие характеристики: организм – всегда обособленная индивидуальность, обладающая определенными границами и величиной; у организма есть дифференцированные части, тесно взаимосвязанные, их нельзя расчленишь; организм как целое подвижен; организм саморегулируется и самоорганизуется, проходит цикл рождения, роста, зрелости и угасания; ритмичность, цикличность процессов нормальны для организма; организмы целеустремленны; они могут быть больны или здоровы, могут испытывать стресс; их можно понять только как динамическое целое.

Это представление о живом организме сформировано в XVIII веке, но только в XIX веке в трудах Э. Геккеля и Г. Спенсера получило законченное выражение.

Органическую теорию городов разрабатывали Патрик Геддес и его последователь Льюис Мамфорд, Эбензер Говард и Федерик Лау Олмстед, Говард Одум и Бертон Мак-Кэй, Артур Гликсон, Генри Райт, Раймонд Энвин и другие. Цветистую риторику школы «метаболизма» (К. Танге, К. Кураковы), популярную в 1860 – 1870 гг. – улицы-артерии, парки-легкие, линии коммуникаций-нервы, городской центр-сердце, перекачивающее кровь через уличную сеть, офисы-мозг и т. п. – подхватывает Н. Анциферов, в основу работ которого положено представление о городе как большой системе, в которой можно выделить различные органы, определить их положение и взаимосвязь. «Мне кажется, что органический подход к жизни города сможет полнее раскрыть его сущность, – поясняет исследователь, – мы можем говорить о рождении, стихийном росте и о смерти городов, мы можем вскрыть в нем ядро, определяющее этот рост; мы увидим, в какой органической связи находятся между собой элементы города, и как захирение одного из них отражается на всей системе»⁹.

Рассматривая город как организм, Анциферов по аналогии с живым существом выделяет три элемента, определяющие три подхода к его изучению: анатомию, физиологию и психологию городского организма. Возможность использования этих терминов, по мнению исследователя, при разработке теории города подчеркивает его органическую природу. Согласно анатомическому подходу, город можно рассматривать как «большую систему», весьма сложную, в которой можно выделить различные органы, определить их положение и взаимную связь. Особенно интересно в этой связи обращение к особому отделу анатомии – «топографии», которая изучает части тела, главным образом, со стороны их взаимного положения в данном пространстве. В топографической анатомии исходным пунктом является место (топос), что по мнению Анциферова и является исходным моментом при изучении городов. Сообразуясь с исконным смыслом термина, к анатомии города исследователь относит прежде всего изучение самого места, на котором построен город (почва, рельеф, растительность, связь с водой, количество осадков, направление ветров и др.); план города; определение его ядра; характер расположения площадей, их форму и систему прилегающих к ним улиц; выделение главных артерий, соединяющих отдельные части города; дома, ворота, мосты, фонари – все, что составляет своего рода «инвентарь города», его «техническое оборудование». Все перечисленные элементы объединяются понятием физической природы города и составляют его конкретный, материальный остов.

Термин «физиология города» определяется задачей дать характеристику города как социального организма: «Город, пульсирующий всеми своими органами

⁹ Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма : Опыт комплексного подхода. Л., 1926. С. 23.

через деятельность общества, есть объект физиологии города», – пишет Анциферов, указывая на девять основных функций, выражающих природу города как социального организма. Первичная и основная функция – город как место общезнания; затем торговая и промышленная функции, транспортная; функция города как центра лечебного характера, «технического оборудования» города в связи с требованиями гигиены; административная, стратегическая функции; функция города как средоточия духовной культуры и, наконец, как центра развлечения. Все девять функций тесно связаны, и изучать одну изолированно от другой невозможно: «Все они вместе взятые поддаются нашему познанию только на основе изучения того, что мы условились называть анатомией города»¹⁰.

Наиболее сложное и туманное содержание, по признанию самого ученого, в последнем термине – «психология города». В литературе часто встречается выражение «душа», примененное к городу. Никакого метафизического содержания в термин «душа города» вносить не следует. Подойдем к нему со стороны более конкретной: внешний облик, физиономия города. Постараемся выяснить особенности его ландшафта, уловить основные черты силуэта, его, так сказать, профиля. Затем обратимся к деталям: изучим господствующий характер его площадей, перекрестков, улиц; определим преобладающий тип строений, окраску его домов, их стиль и размеры, а вместе с тем и второстепенные элементы городского пейзажа – мосты, решетки, будки, памятники и т. д. Таким образом Анциферов подчеркивает индивидуальность, свое особое лицо любого города.

Главной в органической модели нам представляется навык рассмотрения города как совокупности множества функций, как поселения, элементы которого находятся в постоянной взаимосвязи, в котором процесс и форма нерасторжимы. Нельзя также не согласиться в этой связи с выводом, к которому приходит К. Линч: «Модель могла бы приобрести большую значимость, высвободившись из тенет простейших ассоциаций с растительной и животной жизнью. Обогащение модели за счет введения представлений о культуре и целенаправленности, о способности обучаться и меняться могло бы оснастить нас гораздо более прочной и лучше аргументированной моделью города»¹¹.

Совершенно иным является представление о городе как своего рода машине. К. Линч ведет развитие *механистической модели города* от древности к современным стереотипам: «Метафорическое представление о городе как машине родилось отнюдь не вчера... Корнями это представление уходит в далекое прошлое и немногим уступает космической модели временем зарождения и развития»¹². Говоря о наличии антагонистов технологии, для которых слово «машина» означает непременно нечто антигуманное, Линч не разделяет их позиции, обнаруживая в механистической модели высокую практичность. Механистическая модель эффективно срабатывала всякий раз, когда нужно было временное поселение или его следовало возвести очень быстро. Однако она не сводилась к регулярному принципу в градостроительстве (прямоугольная решетка была важной особенностью и в магической модели древней китайской цивилизации), скорее, как отмечает Линч, ее характеризует взгляд на целое, части и их функционирование: «Машина состоит из устойчивых элементов, но эти элементы движут и тянут за собой движения других. Стабильность принадлежит элементам, но не целому. Эти части, как правило, невели-

¹⁰ Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. С. 20.

¹¹ Линч К. Образ города. С. 95.

¹² Там же. С. 80.

ки, четко очерчены, часто идентичны, и все они механически соединены. Целое растет путем добавления частей и не приобретает самостоятельного значения, оставаясь простой совокупностью своих частей. Механизм можно разобрать и вновь собрать, элементы можно поменять местами, и машина вновь заработает. Механизм функционален, конкретен и “холоден”, будучи абсолютно лишен магического. Все элементы автономны в том, что не относится к способу их соединения. Машина делает то, что делает и не больше»¹³.

Таким образом, механистическая модель исходит из идеи, что город состоит из небольших, автономных, более нерасчленимых элементов, которые собираются в большую «машину». Именно такой взгляд лежит в основе «Лучезарного города» Ле Корбюзье; примером механистической модели может служить линейная форма Артура Сория-и-Мата, город-дорога Эдгара Чеймблесса. Полноты выражения концепция достигает в «идеальном городе» Н. А. Милютин. Его «Соцгород» – емкое выражение механистической идеи, доведенное почти до карикатурной формы вопреки серьезным намерениям автора. Милютин приравнивает город к электростанции или к конвейерной линии, сосредотачиваясь на вопросах организации транспорта и упорядоченного разделения видов деятельности, в основу которой положены экономичность, здоровье, автономность частей¹⁴.

Целеустремленный рационализм, на котором базируется идея механистической модели города, проступает не только во всех достоинствах, но и со всей опасностью. Разумеется, можно усомниться в том, что рационализм достаточен для понимания города, в котором видят устройство, собранное в деталях, чтобы работать. Стремление к стандартизации и еще менее гуманистическая тенденция к изоляции, расчлененность, чрезмерная упрощенность и надменный эстетизм работающего механизма отталкивают, стоит представить себя действительно живущим в «идеальных» поселениях вроде «Лучезарного города» Корбюзье.

Широко распространен, особенно в кругах социологов, взгляд на *городскую модель* как *систему коммуникаций*. Такая модель основным свойством городской жизни считает его высокую коммуникативность. Едва ли не во всех работах, посвященных изучению города и городского образа жизни, социологи непременно указывают на определяющее значение высокой частоты контактов, интенсивности общения для любой деятельности, протекающей в городах, и соответствующей организации их пространств. Еще Р. Парк, Э. Барджесс, Р. Маккензи подчеркивали, что город – прежде всего центр обмена, то есть интенсивной деятельности, связанной с непосредственными и частыми контактами. В последние годы появилась целая серия работ, в которых делается особый акцент на коммуникативность как изначальный фундамент города. Теория коммуникативного развития города предложена Р. Мейером. Она представляет одну из попыток интерпретировать город в духе теории информации как коммуникативную систему, сравнимую по степени сложности с биологическими организмами. Город создан с целью осуществления коммуникаций между людьми, а с другой стороны, город как социальная система не распадается благодаря своей коммуникативности, благодаря постоянно функционирующему потоку информации. М. Вебер называет город «мощным распределительным щитом коммуникаций»; К. Дойч констатирует, что «любой крупный город можно считать машиной коммуникаций, созданной для увеличения диапазона и уменьшения стоимости индивидуального выбора». Ту же мысль проводит

¹³ Там же.

¹⁴ См. об этом: Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. М., 1986. С. 84.

К. Доксиадис, когда называет увеличение потенциальных контактов в числе важнейших принципов, лежащих в основе образования поселений человека. А. Э. Гутнов с позиций градостроителя указывает на высокую коммуникативность как изначальное свойство, неотделимое от внутренней природы города: «Именно это свойство предопределило пространственную форму города как интенсивно освоенной территории в пределах допустимого (с точки зрения затрат времени) радиуса контактов. Быстрый рост, территориальное расширение городов, развитие городского транспорта наглядно продемонстрировали тот факт, что город (точнее городская форма расселения) всегда был и продолжает оставаться “системой, сокращающей расстояния”»¹⁵.

Процесс разработки теорий возникновения, развития и функционирования города продолжается и по сей день. Каждая из приведенных выше моделей представляет собой довольно устойчивую, интересную систему, не лишенную научного обоснования и обладающую культурной значимостью. При этом подчеркнем условный характер любых аналогий и опасность буквалистского отношения к ним.

¹⁵ Гутнов А. Эволюция градостроительства. С. 60.